

7 сентября 1984 года.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО ВСТРЕЧА С КОРЧАГИНЫМ

Мне вспоминаются дни, когда я впервые услышал об Островском. Это было в Москве, зимой 1931 года, задолго до публикации романа «Как закалялась сталь». Редакция газеты «Комсомольская правда», ответственным секретарем которой я тогда был, помещалась в Малом Черкасском переулке. Однажды к нам, в «Комсомолку», зашел заместитель редактора журнала «Молодая гвардия» Марк Колосов. Сильно взволнованный, он поведал волнующую историю о комсомольце, участнике гражданской войны, который с необычайным мужеством, слепой и парализованный, продолжает бороться за свое место в строю. Он полон решимости найти оптимальное применение своему духовному энтузиазму и даже пишет книгу о героизме первых комсомольцев на Украине. Рассказ Колосова, который только что вернулся после встречи с этим комсомольцем, проживающим где-то на Пречистенке, потряс меня. Особенно невыносимо было слушать о трудностях быта, которые, к сожалению, осложняли тогда жизнь нашего сверстника и соратника. Требовалась, к примеру, кровать на колесиках, а ее по тем временам невозможно было достать, даже хорошего одеяла не заметил Колосов в комнате, хотя больной особенно нуждался в тепле. К слову сказать, при содействии работников Наркомсоза РСФСР нам удалось тогда оказать Островскому некоторую материальную помощь.

Рассказал Колосов и о том, как пишет Островский свою книгу. Выяснилось, что в 24-летнем возрасте, и концу 1928 года, Николай окончательно потерял зрение. Борьба за жизнь становилась невыносимой. Когда (уже в 1930 году), преодолев себя, больной задумал написать воспоминания (первоначально повествование шло от первого лица), возникли чисто технические трудности. Лежа в постели, плохо повиновались пальцами он сжимал карандаш и наощупь выводил букву за буквой. Часто строка наполовину шла в сторону, работа шла насмарку...

Потом придумали для него своеобразный транспарант. Взяли обыкновенную картонную папку для бумаг. На лицевом листе этой папки вырезали поперечные параллельные полоски шириной около 7—8 миллиметров. В папку вкладывали лист бумаги. Пользуясь вырезанными щелями, можно было безошибочно вести строку. Когда к концу дня все закончилось в квартире, Николай приступал к работе. В транспаранте заготовлено было 25—30 листов писчей бумаги. Рядом с постелью ставился стул, на котором лежали отточенные карандаши. За ночь он исписывал всю бумагу.

В дальнейшем начинающий писатель перешел на диктовку текста, но от этого трудности уменьшились лишь отчасти. Ведь каждую фразу романа, у которого появился уже герой — Павка, надо было четко держать в памяти. Не успеешь продиктовать, забудешь — и

«Я и не думаю, конечно, скрывать, что Николай Островский с Павкой Корчагиным связаны самой тесной дружбой. Он и азучом и кровью моей сделан, Павка этот самый... Но не кажется ли мой роман только автобиографией, так сказать — историей одной жизни? Я нарочно ставлю вопрос остро, потому что хочу знать: хорошо ли, правильно ли, полезно ли для общества мое дело? Есть немало единичных случаев, которые интересны только сами по себе. Посмотрит на них человек, даже полюбопытаться может, как на витрину, а как отошел, так и забыл. Вот такого результата каждому писателю, а мне, начинающему, особенно бояться надо».

(Из разговора Н. Островского с писательницей Анной Каравасовой).

обрывается нить повествования.

Какой же настойчивостью, каким беспредельным трудолюбием, каким творческим оптимизмом надо было обладать, чтобы в таких условиях, преодолевая непрекращающиеся боли, добиваться победы над физической беспомощностью — злейшим своим врагом!

— Чем больше наступает на меня болезнь, — заметил он как-то, — тем ожесточеннее я борюсь с ней. Основное мое средство борьбы — работа!

И он работал с таким неистовством и азартом, что ему могли бы позавидовать здоровые люди. Две силы в нем противостали: темная сила недуга и светлая сила упрямой оержимости, присущей комсомольцу двадцатых, большевик-леннику.

Коллективы «Комсомолки» и «Молодой гвардии» с волнением следили за работой Островского над рукописью. Примерно к февралю 1932 года текст был подоготовлен к сдаче в набор и запланирован к выпуску, начиная с апрельского номера. Непосредственная же связь с Островским установилась у меня позднее, когда я, помимо работы в «Комсомольской правде», стал ответственным (по-нынешнему — главным) редактором литературно-художественного журнала ЦК ВЛКСМ «Смена».

В шестом номере журнала за 1935 год («Смена» тогда выходила один раз в месяц) мы впервые опубликовали отрывок из нового романа Николая Островского «Рожденные бурей», причем с предисловием, написанным по нашей просьбе самим автором, чем мы тогда в особенности гордились. С удовлетворением вспоминаю и о том, что мы были в числе первых (если не самые первые), кто выступил с рецензией на роман «Как закалялась сталь».

Жил Николай Алексеевич тогда (в 1935 году) уже в Сочи, оттуда приходили к нам в редакцию его письма и рукописи. Письма (если не ошибаюсь, их было три) были неизменно доброжелательными, сердечными, по-комсомольски дружескими. В ответ на просьбу редакции прислать отрывок из нового произведения писатель сообщил: «Я большой приятель «Смены», один из старейших ее читателей. Всегда буду рад выполнить ваше поручение».

А тридцатого сентября 1935 года я вместе с поэтессой Верой Инбер, литературным критиком Корабельниковым и корреспондентом «Правды» А. Поневежским по личному

приглашению писателя побывал у него в гостях. Встреча состоялась в более чем скромном домике-флигеле по Ореховой улице, 47.

Нас встретила у входа мать Николая Алексеевича — Ольга Осиповна. Она попросила немного подождать и вскоре провела нас в низенькую, но просторную комнату, как мне показалось, протопленную, несмотря на летнюю, в общем, погоду.

Кровать больного поставлена была так, чтобы ее можно было обойти вокруг. Николай Алексеевич — в красноармейской сунной гимнастерке с белоснежной подворотничком. Сосредоточенное, одухотворенное лицо мыслителя, бойца, энтузиаста.

Когда мы подошли к кровати и представились, Николай Алексеевич каждому пожал руку своими тонкими и изящными пальцами пианиста, стараясь задержать подольше рукопожатие. Он объяснил это тем, что рукопожатие позволяет ему психологически установить духовный контакт с пришедшим.

Контакт действительно установился сразу. Мы поблагодарили хозяйку за любезное приглашение и, конечно, стали расспрашивать его о самочувствии. Может быть, и не следовало спрашивать о здоровье, но так уж получилось, Островский не любил разговоров на лечебно-медицинские темы. Но в тот раз он охотно сообщил, что в первые утренние мгновения, когда просыпается, он почти не ощущает боли.

— Эта крошечная передышка, этот иллюзорный дар, приспущенный ночным отдыхом, — говорил Островский, улыбаясь, — меня подкрепляет. Многие хорошо делятся мгновениями, но не перестает из-за этого быть хорошим!

И добавил: — Врачи считают меня обреченным. Если им верить, то я должен был давным-давно умереть. А я все живу, живу вопреки здравому смыслу. Врачи, конечно, правы. Болезнь моя ужасна, но себя можно воспитать, закалить свою волю. Можно уверить себя: «Я — болен» и заболеть по-настоящему. А можно уверить себя, что есть еще шансы проглотить борьбу, и это приносит победу. Я избрал второй путь...

Все, чего бы ни насался Островский в разговоре, он обладал значимостью, делал ярким, весомым, впечатляющим. Его мысли волновали своей пронительностью, тонкостью, в них ощущался излук страсти, они западали в душу.

Вызывала удивление его прекрасная обо всем информированность. Писатель объяснил нам:

— Я работаю с шести утра до двух часов дня ежедневно. Отдыхаю по воскресеньям. Вот и сегодня — воскресенье. Ничего не диктую. Отдыхает и Шура (секретарь Н. А. Остров-

ского — Александра Петровна Лазарева), а то я ее совсем замучил. Ничего не поделаешь, надо много успеть, спешу жить, тороплюсь, бегу так, что ветер свистит в ушах!..

Свыше трех часов продолжалась наша беседа. Писатель устал. Мы хотели уже попрощаться, но он попросил посидеть еще немного.

Николай Алексеевич стал советовать, как выстроить дальнейшее повествование в романе «Рожденные бурей», над которым он тогда работал, спрашивал, верны ли исторической правде такие персонажи, как Андрей Птаха, юноша-бунтарь, своеобразный двойник Корчагина, Сигизмунд Раевский, Олеса, Сарра и другие герои его новой книги.

И снова мы возвратились к разговору о комсомоле, о котором он, один из первых комсомольцев на Украине, говорил с особой теплотой. Знал он и те места на Криворонье, где мне довелось быть первым секретарем комсомольской ячейки в 1920 году (на станции Пятихатки). Именно здесь, неподалеку от Пятихаток, в старинном селе Лозоватка формировалась легендарная кавалерийская бригада Г. И. Котовского, в которую влились многие жители окрестных деревень и иригорьевских рудников. В этом селе в ряды красных конников вступил и 16-летний боец Николай Островский...

Прощаясь, не зная, что через день произойдет большое праздничное событие в жизни писателя, а вместе с ним и всего комсомолом. 2 октября было опубликовано Постановление ЦИК СССР о награждении орденом Ленина писателя Островского Н. А., «бывшего активного комсомольца, героического участника гражданской войны, потерявшего в борьбе за Советскую власть здоровье, самоотверженно продолжающего оружием художественного слова борьбу за дело социализма».

Вскоре после моего возвращения из Сочи я получил от Николая Алексеевича письмо, в котором он просил выполнить одну его просьбу. Речь шла о том, чтобы я ознакомился с преемством дома, который правительство УССР решило воздвигнуть в Сочи для писателя и его семьи. Началось строительство нового, удобного и комфортабельного жилища для больного писателя в одном из живописных уголков города-курорта, на крутом косогоре. Сейчас в этом величественном здании размещен музей Н. А. Островского, который знает весь мир...

Боевым девизом корчагинцев нашего времени остается завет Островского: «Только вперед, только на линию огня!»

В. ВЕЛЬМИН.
Заслуженный работник культуры РСФСР.